

Легенда о совестном Даниле. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Легенда о совестном Даниле. Николай Семенович Лесков

Пристрастие не дальновидно, а ненависть вовсе ничего не видит.
Исидор Пелусиог (Письмо к Кириллу)

Легко тому, чье сердце не знает сострадания, но пусть он, однако, не радуется, ибо его постигнет жестокое мучение и оно начнет терзать его тогда, когда он будет уже не в состоянии исправить свою вину. Огонь гиенский, по моему суждению, есть не что иное, как позднее раскаяние.

Сирия (сл. XVIII)

Полторы тысячи лет тому назад на Востоке, близ Синайской горы, жил в маленьком ските молодой человек, по имени Данила. Скит в тогдaшнее время не был похож на нынешние русские скиты, где живут монахи, у которых есть храмы и готовое содержание. В старое время на Востоке скитом называли несколько хижин, – чаще несколько пещерок в горе, да вокруг тесное огражденное место, где ютились три или четыре человека, собравшиеся по единомыслию, чтобы жить вдали от соблазнов. Люди эти вели строгую жизнь и питались трудами своих рук. Церквей у них не было и не было тоже и священников, и долгое время скитниками не управляло никакое начальство.

Скиты устраивались легко и не скрывали в себе никаких драгоценностей, а располагались они часто близко к самому рубежу крещеной земли, чтобы иметь возможность научать христианской вере «варваров». Варварами называли некрещеных людей, которых было еще много повсюду. Много их кочевало и в жарких степях близ Синая.

Порубежные скитники от варваров не скрывались, а, напротив, сами искали случая встречаться с ними, чтобы говорить им о благе, которое может миру дать Христово учение. Они старались убедить варваров, что Бог есть Отец всех людей и что воля Его заключается в том, чтобы все люди жили в любви и чтобы никто не делал друг другу никакого зла, а если кого обидят, чтобы он не мстил, но старался бы заплатить за обиду добром и победил зло любовью, ибо только одна любовь обнаруживает зло и побеждает его. Варвары же по дикости своей не понимали и не верили, что все люди равно достойны сострадания и что прощение обид может привести мир на землю. Они надеялись на силу и часто нападали на ближайших скитников, а как скитники были бедны и взять у них было нечего, то варвары забирали самих их к себе в неволю, угоняли в степи и там заставляли пленников стеречь своих коней, ослов и верблюдов, стричь овец и сушить навоз с бурьяном на топливо.

Случилось, что варвары напали и на тот скит на Синае, где жил Данила. Сколько здесь было старых людей – они всех перебили, а Данилу, как человека молодого и годного к работе, взяли с собою, связали ему ноги, посадили на верблюда и увезли очень далеко в степь, а там приставили его караулить стада от зверей и от хищников.

Данила служил своим пленителям долго, научился ихнему языку и перекочевывал с ними с места на место несколько лет. Он их веру не порочил, а они не мешали ему верить по-своему и, замечая, как он живет с ними честно, до того в нем уверились, что совсем не стали за ним смотреть, а во всем на него полагались, будто как на своего человека. Данила несколько раз мог бросить порученные ему стада, сесть на коня и ускакать, но ни разу на это не покусился. А потом Данила стал замечать, что варвары как будто стали любить слушать, как он рассуждает по-христиански, и во многих суждениях начали сами и говорить, и делать с ним согласно. Стало Даниле и жить хорошо, и начал он разуметь, что он живет с чужими людьми не без пользы, потому что наводит их на хорошее последование доброму учению. Но раз прискакал на своем коне один варвар, бывший на рубеже, и объявил, что крещеные прислали через него за Данилу выкуп и что теперь Данилу надо отпустить.

Данила очень обрадовался, что может вернуться к своим, но как остался он последнюю ночь в степи под шатром, стало ему жалко и варваров. «Вот, – думалось ему, – только что некоторые из них начали было по-доброму рассуждать и поступать с другими милостивее, а вот я теперь уйду – они опять все позабудут и обратятся

Легенда о совестном Даниле. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru к старинной злобе. Мне бы их беречь в добре, а я ухожу... Ведь это и есть мое дело, для которого я оставил дом и стал жить в ските, откуда пленен был». Но желание жить в обществе своих людей христианской веры все-таки стало сильнее этих суждений, и Данила решил уйти. А варвары поделили между собою присланный выкуп, дали Даниле тыкву воды и белого пшена и послали двух верховых, чтобы проводить его до рубежа, откуда он без опасения может один идти к крещеным.

Данила благополучно воротился к себе за рубеж и стал жить прежнюю скитскую жизнь. Но это недолго продолжалось: через полгода наскружили на их скит другие темнолицые варвары и опять угнали Данилу в плен и заставили его сушить навоз для огня и сторожить овец, коней и верблюдов.

Даниле теперь гораздо досаднее сделалось, чем в первый раз, да и жить ему с этими варварами показалось хуже, потому что с прежними он был уже обвыкшись и они с ним были ласковее, а эти его не знали и не заботились о нем, а показали, что делать, и оставили без присмотра.

Он стал все больше скучать и рассуждать, что варвары владеют им совсем неправильно, потому что он уже раз выкуплен, и, улучив удобное время, покинул все, что ему доверено, и убежал. И опять благополучно перебрался за рубеж крещеной земли и пришел в скит; но варвары скоро его хватились, вскочили на коней, прискакали к скиту, всю огорожу развалили, все пещерки поразметали и старых людей побили, а Данилу опять в плен повели пешком, прицепив его веревкою за шею к верблюжьему седлу. Для того же, чтобы Данила не останавливался, а скорее поспедал за верблюдом, сзади его ехал молодой варвар и колот Данилу острым копьём в спину. Подвигался Данила немощными ногами, стелая, и на след его по пескам капала его кровь.

Идучи за этим караваном, Данила вспоминал свои два прежние плена и плакал, что ни в первый, ни во второй раз над ним никогда такого свирепого тиранства не было, и почувствовал он в себе против своих мучителей несносное озлобление, особенно против того молодого сильного варвара, который был черен как мурын^[1] и ехал верхом на вороном коне в самом хвосте каравана и подгонял Данилу копьём в спину.

Поднимался против него в Даниле после каждого поранения такой дух мести, что если бы сила его взяла, то он так бы на этого варвара и бросился и убил бы его.

А озлобляющий Данилу молодой эфиоп все едет в высоком седле и белыми зубами скрипит, а глазами ворочает и все Данилу копьём колот.

Привели варвары Данилу на свое становище, где у них шатры раскинута и большой и мелкий скот пасется. Тут они слезли с коней, и жены, и дети к ним из-под шатров выбежали, одни у них стали коней и верблюдов принимать и расседлывать, а другие пшено в котлах заварили, и вот все стали есть и Даниле вареного пшена на лопухе бросили, а сами разговаривают, что надо им это становище завтра кинуть и на другое идти, потому что здесь вокруг трава жаром спалена и скоту голодно.

Данила же, долго жив между варварами, понимал их разговор и думал: «ну, если завтра меня опять идти на ногах погонят, то я не могу, и пусть они лучше сразу убьют меня мечом или пикою».

Но за ночь вышла перемена: тот самый черный варвар, который гнал Данилу, разболелся страшной горячкой, так что жена его копала руками холодную глину и обкладывала ему голову. Тогда другие сказали:

– Оставим их один шатер здесь и пленника с ними. Прикуем ему на ногу колодку, и пусть он им тут работает, а жена пусть за мужем смотрит, пока он поправится.

Данила же радовался, что он отдохнет и раны его хоть немножко заживут.

Так караван и отбыл, а один шатер остался на старом месте и при нем конь, верблюд и осел, и при них настороже Данила, а к нему за ногу приклепали на цепи толстое и тяжелое полено, с которым насилу можно было ноги двигать.

Между варварами, как и между крещеными, но непросвещенными людьми, есть такие

Легенда о совестном Даниле. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru суеверные, которые будто в бога верят, а сами любят примечать приметы и выводить от них причины вещей по своим догадкам. Жене варвара привиделось во сне, будто Данила принес им несчастье, и она сказала это мужу и детям, и стали вместе еще жесточе озлоблять Данилу. А напоследок эта варварка сказала своему мужу:

– Только ему и жить на свете, что до твоей смерти. Если же ты умрешь, – то обещаю тебе, что я убью этого пленника, который принес нам несчастье, и зарю его в песке у ног твоих. Это и будет за тебя отомщение.

Данила, как услышал это, так стал думать, что теперь ему делать? Время для размышления было очень коротко, а меч на его погубление близок и отточен на обе стороны. Прошел еще день, и больному стало хуже, а вдобавок, в шатре не хватало воды. Только больному давали пить и то понемножку, а эфиопка сама не пила и Даниле пить не давала, но при всем все-таки к вечеру осталось воды в запасном кубане на самом доньшке. Данилу не хотели послать по воду, чтобы он не ушел, да он и не знал, где надо искать колодезь, а потому поднялась сама эфиопка. Взяла она горластый муравлений кубан на плечо, а грудного мальчишку подцепила покромкой за спину и пошла к колодезю, а колодезь от шатра был на полдня пути. За собою она повела также осленка с пустыми мехами, а за мехами к хвосту посадила на костреце старшую девочку. Данила остался один при шатре, чтобы стеречь коня и верблюда и помочь повернуться больному варвару. Больной же метался в жару и гневался без порядка, спрашивая с Данилы то одно, то другое, и прежде чем пленник успевал исполнить один его приказ, он ему заказывал другое наново. Данила и за верблюдом и за конем смотрел, и отмахивал камышовым листом острых желтых мух, которые садились на покрытое болезненным потом лицо эфиопа, и пек для него в раскаленных камнях у поднятой полы шатра катышки из просяной муки. А жар палестинский такой, что и здоровому его нет силы вытерпеть, не только больному, и эфиоп все просит пить, и когда всю последнюю воду выпил, то стал говорить, будто ее выпил Данила.

В большом раздражении варвар потянулся, достал из накаленных камней один и бросил его горячий Даниле в лицо, а Данила же, не стерпев боли, схватил другой камень и так треснул им эфиопа по голове, что тот и не вскрикнул, а протянулся ничком и руки, и ноги врозь растопырил. Данила его приподнял и увидал, что у него уже язык в зубах закусился и один глаз выскочил и у виска на жиле мотается и на Данилу смотрит.

Данила понял, что эфиоп убит, и сейчас же подумал: «Ну, теперь мне пропасть, если я не скроюсь прежде, чем вернется эфиопка!»

Хоть она женщина, но, однако, для Данилы она была страшна, потому что у него на ногах прикована колодка и ему несвободно защищаться.

Он положил колодную цепь на один камень, а другим стал колотить по звеньям, и цепь разбил, а мотавшееся на ней тяжелое полено с ноги сбросил; и сначала зарезал ножом верблюда, достал у него в брюхе воды. Вода была не мутная, но склизкая, как слюна, но Данила, однако, напился ею, а потом сел на варварова коня и помчался по пустыне. Несся он на коне в том направлении, в каком по его приметам надо было держать к крещеной земле.

Проскакал Данила по знойной степи весь день до вечера, не щадя скакуна, и сам ничего не ел и все боялся: в ту ли он сторону едет, куда нужно? Ночью, когда вывездило, он поднял лицо к небу и стал соображать по созвездию Ремфана: где рубеж крещеной земли, но в это время добрый конь аравийский под ним храпнул, затрясся и упал на землю, придавив Даниле голень ноги.

Данила едва выпутался и стал побуждать коня подняться, но он не поднимался. Зашел Данила ему с головы и видит, что у него ясный месяц в утомленных больших глазах играет и отражает, как один брат убивает другого.

Данила понял, что конь уже никогда больше не встанет, и пошел дальше пешком.

Шел он всю ночь и, мало заснув, на заре опять поднялся и шел до полуденного зноя, и вдруг стал чувствовать, что ноет у него придавленная голень и изнемогают все его силы от усталости, от жажды и голода.

Пошел он еще через большую потугу, разнемогся еще более и упал с ног долой, и

Легенда о совестном Даниле. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru все перед ним помутилось и в очах, и в разуме, и пролежал он так незнаемый час, доколе почувствовал прохладу и, раскрыв глаза, увидел над собою созвездие Ремфана и все другие звезды в густой синеве ночного аравийского неба.

Шевельнул Данила руками и ногами, а ни ноги, ни руки его не слушают, – только одна память ясно светит. Вспомнил Данила, откуда он ушел и куда стремится, и как он шел из первого и из второго плена, и насколько последний, третий плен, был для него тягостнее; в первый раз он мог научить людей доброму, да ушел и не научил, а во второй раз доверия лишился, а в третий с ним уже обращались немилостиво и все ему шло хуже до той поры, пока он убил камнем варвара, зарезал ножом верблюда, задушил усталостью чужого коня и теперь вот он сам в таком положении, что его или хищный зверь растерзает, или встречный варвар опять в новый плен возьмет, а там, когда эфиопка возвратится в шатер и увидит убитого мужа, то как она начнет ужасно стенать, как будет биться и проклинать его, который сделал ее вдовою, а детей ее сиротами... А сам эфиоп лежит перед ним, как и прежде, растопырив руки и ноги, и косит на Данилу оторванным глазом. И сделалось от этого взгляда Даниле так жутко и страшно, что он поспешил закрыть свои глаза, но темный эфиоп в нем внутри отражается. Не грезится, не ропщет и о детях не тоскует, а только тихо устами двигает.

«Что такое он мне говорит?» – подумал Данила, а эфиоп в нем отвечает:

– Я, брат, теперь в тебе проживу.

После того опять забылся и опять через неизвестное время пришел в себя Данила, и было это на вечерней заре, а первое, что он ощутил, это с ним вместе пробудился в нем и эфиоп.

Данила стал осуждать себя, зачем он убил эфиопа?

– Если бы не было это противно духу божию, не болел бы во мне дух мой и черный эфиоп не простерся бы во всю мою совесть. Заповедь божия пряма: «не убей». Она не говорит: «не убей искреннего твоего, но убей врага твоего», а просто говорит «не убей», а я ее нарушил, убил человека и не могу поправить вины моей. Учил я других, что все люди братья, а сам поступил как изверг, – освирепел как зверь и пошел громоздить зло против зла, и с делал и убийство, и хищничество, и разорение, и соделал, что жена человека стала вдовой, а дети его сиротами... И за то я чувствую, что осужден я в духе моем и приставлен ко мне простирающийся во мне истязатель. Встану скорей и пойду назад в пустыню, откуда бежал, найду шатер варвара и его вдову и сирот, – повинюсь перед нею в убийстве и отдам себя на ее волю: если хочет, пусть обратит меня в раба, и я буду вечно трудиться для нее и ее сирот, а если хочет – пусть отдаст меня на суд кровных своих, и приму от них отмщение.

Сказав это себе, Данила поднялся и пошел на дрожащих ногах в обратную сторону, а эфиоп был с ним и говорил:

– Иди, Данила, на рабство и на казнь, – иди, не опаздывай, чтобы не было тебе еще что-нибудь худшее, потому что ты убил человека, ты расхитил его имение и сделал жену его вдовою, а детей его сиротами. Не ищи оправдания ни в какой хитрости, потому что не дозволено убивать никого.

И еще шел Данила и увидел падаль загнанного им варварского коня, над которым теперь сидели орлы и рвали его внутренности...

Но сколько он дальше ни шел – не находил ни шатра, ни верблюда, а стал чувствовать, что силы его оставляют и все следы и приметы пустыни в глазах его путаются.

Видит Данила вокруг себя махровые крины и белоснежные лилии, а между них человечьи и верблюжьи следы и туда и сюда по степи перекрещены во все стороны, и надо всем то свет сверкнет, то вихорь завьется, а в нем самом, в глубине его духа, будто тьма застилает все и обнимает его эфиоп и валит его как ком в изветренную горячую пыль и сам в нем ложится и засыпает...

«О, горе! – подумал Данила: – это ведь ангел тьмы посылается в плоть мне! Какое есть от него избавленье?»

Не придумал он себе избавления и не скоро после этого открыл опять свои глаза Данила, а открывши, долго не мог спознаться: в каком он месте находится. Чувствует он в воздухе палящий зной, на небе горит огнем жгучее солнце, но он заслонен от припека, – кто-то прибрал его в тень, – он лежит на сухом тростнике под окопцем. В скопце прохладно за оградой из сложенных камней, по камням ползут желтые плети тыквы, а как раз против его глаз белый меловой срез и в нем узкий вход в меловую пещерку, возле входа сидит на коленях старичок и плетет руками корзинку.

Старичок как заметил его пробуждение – сейчас и заговорил ласковым голосом:

– Будь благословен Господь, возвращающий тебя к жизни. Сейчас я подам тебе воды.

Данила спросил:

– Как твое имя, авва?

– Имя мое «грешник», – отвечал старичок, – но не тревожь себя разговором, укрепись и тогда побеседуем. А пока знай, что ты находишься среди христиан на богосшествной горе Синае, а это моя пещерка, где я прожил уже сорок лет, а привез тебя сюда христианский караван, который поднял тебя сожженного солнцем и лишенного чувств в дикой пустыне.

Когда же Данила обмогнул, он рассказал пустынночку все, что с ним было, ничего не утаив, и выразил скорбь свою и жалобу: как мучит его совесть за убийство человека, и стал просить у старца совета. Старец же ему отвечал:

– Я простой, бедный грешник и не умудрен, чтобы подавать советы, где нужно большое познание. Нас, неученых, стали теперь вразумлять патриархи. Иди в Александрию к Тимофею – он в сане великом и знает, как судить всякое дело.

Данила встал и пошел в далекий путь в Александрию, где в ту пору сидел на патриаршем престоле Тимофей Элур. [2]

Данила пошел к патриарху.

Патриарх был занят тем, как в это время стояли церковные споры Византии с римским папою, и, выслушав бедного пришлеца, сказал ему:

– Что ты напрасно нудишь себя и без дела докучаешь пустяками нашему смирению. Ты был в неволе насилием и в том, что ты убил некрещеного варвара, тебе нет никакого греха.

– Но меня мучит моя совесть – я заповедь помню, которую никого убивать не позволено.

– Убийство варвара к тому не подходит. Это не то, что убийство человека, а все равно, что убийство зверя; а если боишься ответа – иди в храм убежный.

Но Данила искал не того и не утешили его слова Тимофея.

– Может быть, правду о нем говорят, что он не право держит учение Христово. Не пощажу трудов моих и пойду в Рим к папе, – он, верно, иначе рассудит и научит меня, что мне сделать.

Пришел Данила в Рим и удостоился предстать папе, который собирался тогда в Византию и обдумывал: как согласить то, что ранее объявили за несогласное. [3]

Папа его выслушал и говорит:

– Тебе хорошо сказал патриарх александрийский, – я с ним в другом не соглашаюсь, а в этом согласен: убийство варвара – это совсем не то, что запрещено заповедью. Иди с миром.

– Благодарю твое святейшество, но только яви мне милость – укажи во святом Христовом Евангелии то место, где это так изъясняется?

– Для чего это тебе? Как ты смеешь не верить папе!

– Прости мне, – ответил Данила, – слух мой слова твои слышит и хочу тебе верить, но совесть не принимает: с часа убийства я вижу ее в черноте эфиопа и через то не могу быть в мире.

Папа опалился на Данилу и сказал ему выйти вон.

Данила удалился, но все чувствовал, что мира в нем нет, – что совесть его по-прежнему говорит то же самое, что внимал с первого раза в пустыне, и ни папа, ни патриарх его эфиопа не умили.

«Нельзя мне так это дело оставить, – подумал Данила, – эти оба священства теперь сильно заняты другим – как им друг друга оспорить, но ведь, кроме их, есть еще и другие патриархи, которые, может быть, иначе умствую. Мне не сладить с собою и я себя не пожалею: пойду ко всем патриархам, в Ефес и в Иерусалим, в Царьград и в Антиохию. Который-нибудь из сидящих на престолах патриархов умудрит меня и скажет, как я могу убелить терзающего меня эфиопа».

Пошел Данила в Ефес, добился свидания с тамошним патриархом и открыл ему об убийстве варвара и об ответах александрийского патриарха и римского папы и, кланяясь, сказал ему:

– Помилуй меня, святой отец, – дай мне средство утолить муки моей совести. Папа и святейший Тимофей тебе не указ, ты сам напоен божественной мудрости и зришь в тайны божий: капни каплю благоразумия твоего в мой бедный разум; скажи, что мне делать?

Ефесский патриарх отвечал, что он, конечно, имеет свой дар проникать в тайны смирения, не пытая ума у Тимофея и папы, но на тот счет, о чем Данила просит, он согласен и с Тимофеем, и с папою: убить варвара вовсе не противно учению христианскому.

– Вот я только в этом и хочу удостоверения: покажи мне это в слове Христовом?

Патриарх ефесский не показал, а сказал: «Что тебе еще надо! Ты невежда», – и не захотел с Данилою больше разговаривать, а отпустил его, как и прежние, – с миром.

Отправился Данила в Царьград, в Иерусалим и в Антиохию и исповедывал свою совесть патриархам царьградскому, иерусалимскому и антиохийскому, и все они, хотя об ином, чего Данила и понять не старался, рассуждали друг с другом не сходно, но насчет убийства человека другой веры все были одного мнения: все сказали, что убить иноверца и обидчика это вовсе не грех, и что Даниле совсем не о чем скорбеть, что он убил варвара.

– Но что же мне сделать с эфиопом! Вы не знаете, как черен и смраден эфиоп, который живет в моей совести, – говорил им Данила.

А они ему отвечали:

– Перестань мыть этого эфиопа, – это все равно, что бороздить огонь и варить камни.

Данила не знал больше высокоосвященных владык и с горя решил идти в свой город, откуда был родом, чтобы предстать там своему князю и просить над собою суда за убийство.

И когда Данила лег спать в эту ночь, он увидел в полусне совесть свою: она уже не была так черна, как мурин, а показалась ему смуглою как дитя, рожденное от эфиопки и эллина.

Добрался Данила до своего города и, не разыскивая сродников, стал похаживать около княжего герема, с надеждою увидеть кого-нибудь из княжеских отроков и просить их привести его перед лицо князя.

Отроки спали, а заметил Данилу княжий приспешник и закричал на него:

– Что ты здесь, нйтяг ленивый, болтаешься. Верно устал и оголодал от праздности и пришел сюда обнюхивать кухонные очаги у князя! Здесь нет для тебя лакомых снедей!

А Данила ответил:

– Я не ишу обонять очаги, чтобы насытиться лакомых снедей, и совсем не забочусь о моем внутреннем мешке. Если бы я хотел откармливать себя как птицу, жиреющую впотьмах неведения, я не обошел бы столько, сколько обошли мои ноги.

Приспешник подумал: быть может, это отец Мартиан, который в два года обежал сто шестьдесят четыре города, скрываясь от женщин, и все-таки везде их находил, – и он закинул за плечи свой фартук и положил ложку, которую снимал пену, и сказал:

– Я, пожалуй, налью тебе сочного варева и отрежу печеного мяса, а ты съешь поскорей и Расскажи мне: как ты от женщин бежал и как они за тобой гнались, и каким родом тебя соблазняли.

Данила ответил, что он ни взвара, ни мяса не хочет и женщины ему нигде жить не мешали.

– Так чего ж тебе нужно и зачем ты пришел?

– Я убил человека и мучаюсь от этого в совести. Я уже обошел всех патриархов и папу и всем каялся.

– Вот ты счастливеец, сколько ты видел святыни. Это не то, что я, несчастный, верчусь у моего очага. Хочешь, я тебя угощу крылом красной птицы, а ты мне скажи поскорей, что сказали тебе патриархи и папа?

– Они мне сказали, что на мне нет греха за убийство, но я этого не чувствую, и пришел теперь к князю.

– А это ты и напрасно сделал, – сказал приспешник. – Я от природы охотник все знать, и скажу тебе прямо, что если тебе не удовольнил своим прощением патриарх, носящий образ великого Марка, то может ли князь что-нибудь тебе сделать. Он тебе не простит убийства.

– Вот я того-то и желаю, – отвечал Данила.

– Ты хочешь получить смертное наказание?

– Я хочу получить то, чего я достоин, чтобы дух мой отстрадал свою вину и очистился.

– А это тоже любопытное дело: у князя есть судбищное место, где он садится и разбирает народ. Ты погложи здесь вот эту лепешку, а я разбужу княжьих отроков и приду послушать, когда князь разберет твое дело: велит ли он тебя распять на дереве, или прикажет тебя отвести на потраву в зверинец.

Приспешник побежал сказать о Даниле княжим отрокам, а те взяли его, отвели к темничному стражу и велели держать под крепким караулом, пока князь захочет судить людей и тогда его потребует.

Набили Даниле на шею тяжелую колодку и бросили его в яму надолго.

Дождался Данила в яме княжьего суда не день, не два и не месяц, а много лет; во все это время князь был то на ловах, то в боях, на пирах и в ристаньях, но, наконец, раз он воротился в свой столичный город и, всеми иными делами наскучив, захотел рассудить ожидавших его связней. Вышел для этого князь из терема и сел на свое место, а отроки начали подводить к нему одного за другим виноватых и сказывать на них вины, какими кто преступился.

Князь всех рассудил и приказал, кто кому должен заплатить и кого за какую

Легенда о совестном Даниле. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
провинность чем наказать надо, а когда дело дошло до Данила, то отроки о нем сказали:

– Этот старый человек, которого видишь (ибо Данила уже состарелся) – явился сам на твой суд по своей доброй воле. Он рассказывает на себя убийство человека, а где и над кем он то убийство сделал, это он тебе одному откроет.

Князь удивился, что Данила уже стар и слаб – так, что едва ли он мог с кем-нибудь сильничать и кого-нибудь убить.

А Данила ему отвечает:

– Это я состарелся, княже, от моего греха. Истерзала меня совесть, в которой я много лет волочу эфиопа, но когда я сделал убийство, я тогда был еще молод. Дозволь рассказать тебе все и рассуди меня, как бы я только вчера сделал мой грех.

– Хорошо, – сказал князь, – я тебе это обещаю. Данила и рассказал князю все и прибавил, как он ходил ко всем патриархам и к папе, и что они ему отвечали.

– Что же: неужели тебя это не облегчило? – спросил князь.

– Нет, мне стало еще тяжелее.

– Отчего?

– Оттого, княже, что я начал думать: не закрыли б от глаз наших слово Христово слова человеческие, тогда отбежит от людей справедливость и закон христианской любви будет им все равно как бы неизвестен. Я боюсь соблазна и не ищу далее вразумления от освященных, а предстал пред тобою и прошу себе кары за смерть человека.

И Данила упал и простерся перед князем на землю.

Князь же, взглянув на Данилу пристальным взглядом и видя на лице его слезы и терзающую скорбь, отвечал:

– Старик, ты смутил меня. Давно не видал я того, что на лице твоём вижу: вот ты имеешь добрую совесть и я вижу, что ее носить не легко. Рад бы тебе я помочь, но суда патриархов я отменять не могу, а, как князь, в своем смысле еще нечто добавлю. Если бы ты убил человека нашего княжества и святой веры нашей, тогда я бы тебя осудил к платежу, или к казни на смерть, но как же я тебя осужу, когда ты убил врага-супостата, некрещеного варвара! Не они ли, скажи, делают из-за рубежа набег на княжество наше, не они ли угоняют наш скот и уводят людей? Как же нам их жалеть?.. По-моему, ты хорошо сделал, что убил одного варвара, а еще бы лучше сделал, если бы убил семерых варваров, тогда бы ты от меня еще большей хвалы был бы достоин.

Данила же, услышав это княжее слово, ощутил в груди своей живую бодрость и сказал:

– О, князь! хорошо ты говоришь об угнatom скоте, но жалко, что о забытом Христе плохо знаешь: меч изощряешь, мечом погубляешь и сам от меча можешь погибнуть.

И стал Данила вдруг горячо говорить из Христовых словес о врагах, и так пронял всех, что князь поник головою и все его слушал, а потом сказал:

– Иди, авва, слово твое верно, да в нас не местится, ибо наше благочестие со властью сопряжено и страхом ограждается, – и, не глядя на Данилу, князь поднялся и пошел к себе в терем, а отрокам своим велел хорошо накормить Данилу, дать ему одежду и отпустить, куда хочет. Но Данила велел сказать поклон князю, но ни хлеба ни соли есть не стал и одежды не принял, и не пошел в город, потому что там все в заботах как в волнах на тонувшем корабле заливаются, а пошел за город, как был, в своем рубище. Пройдя много, он очутился в далеком, безмолвном и возвышенном месте, откуда перед ним открывалась безбрежная степь. Душе Данилы здесь стало легче, чем было в Риме и в Византии, и перед судилищем князя; жизнь его быстро пробегала теперь перед ним, как скороход на площади, и он всю ее снова увидел. Он припомнил, как отбежал бодрый от рук матери, а до теперешней

Легенда о совестном Даниле. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru черты достиг утомленный, и на зло себе слышит, что все его горе совсем будто и не горе, никто его не осуждает за то, что он убил человека иной веры и иной державы, а еще все ему в ладоши плещут, но зато эфиоп его своего места держится: он только мало посветлел, но сидит в нем по-прежнему.

– Немилосердный ты! – воскликнул, ударив себя в грудь, Данила. – Куда я тебя ни носил, кому я тебя ни показывал, никто мне не дал средства убелить твое безобразие: чего же ты от меня хочешь?

А эфиоп ему отвечал:

– Слепец ты, бедный Данила! Как это ты во столько лет не умел узнать: кто тебе друг и кто недруг? Я твой друг, потому что я не даю тебе покоя, а ты себе враг, потому что ты ищешь забыть меня. Без меня ты мог бы остаться с обольщением, которое бы тебя погубило.

Данила подумал и понял, что гнетущую его совесть взаправду надо считать не за кару неумолимого бога, а за доброе напоминание, не допустившее Данилу до легкого усыпления себя, и он обрадовался и, заплакав от счастья, воскликнул:

– Как благ ты, о боже, меня наказуя! Но где же, о где взять исцеленья тому, кто угасил светильник жизни, не им запаленной?

– Как пролитой на землю воды не сберешь обратно в кувшин, так не возвратишь и жизнь тому, у кого ее отнял, – прозвучал эфиоп. – И ты должен был это знать и, сделав зло, не тратить силы и время на разговоры, а должен был делать дело.

– Но что же я могу делать?

– Смотри не так высоко, а пониже.

Данила встрепенулся и стал вглядываться вдаль по земле. Опять он видит ту же сухую степь, но зато впереди себя, и невдалеке, замечает что-то ни на что не похожее. Лежит что-то такое не имеющее вида, – что-то одного цвета с пылью, не живое и не мертвое, – будто как ком земли, а меж тем содрогается.

Данила встал и пошел к этому неподобию и увидел зловонного прокаженного человека, у которого уши и нос, и персты на руках и ногах – все отпало, и череп обнажился, и глаза выпали, – а зияла только одна пустая пасть на месте рта и оттуда исходит невыразимый смрад и сиплое шипение.

«Кто его сюда занес и кто его здесь проит и кормит? – подумал Данила. – Но пока не вижу того, кто о нем заботится, пойду, принесу для него пищи и напою его водою».

Отыскал Данила воды и принес в пригоршнях и с ужасом стал вливать ее в пасть прокаженному, а потом остался ждать того, кто придет и уберет его на ночь. Но никто не приходил, а меж тем спустилась тьма и сделался резкий холод, и прокаженный начал ежиться и щелкать пастью. Это было так страшно, что не только сердце, но все кости в Даниле затрепетали, и он вдруг понял, что ему надо делать, и сказал себе:

– Вот мне урок и работа. За то, что я смел считать бога бессильным изменить к добру живую душу варвара и убил его, я должен отдать мою жизнь тому, кто без надежды страдает. Стану служить этому безнадежному трупу, доколе в нем тлеет угасающий уголь его жизни.

И Данила снял с себя, какое на нем было, ветхое лохмотье и одел им прокаженного, а сам остался голый. Потом он опять нашел воду и еще раз напоил больного из своих ладоней; потом отыскал в глине ущелинку, раскопал ее пошире руками и снес туда прокаженного. К телу Данилы прилипали стружья и гной прокаженного, но ему не было скверно и он не боялся заразиться. Он нашел дело и стал жить около прокаженного, ходя днем на торг, на поденщину, а ввечеру приносил прокаженному пищу. Так и шло, пока узнали, что он общается с прокаженным, и не стали его пускать в город. Тогда он насеял бобов, они скоро выросли, и Данила, и прокаженный – оба ими питались.

Когда же прокаженный совсем распался и жизнь его оставила, тогда Данила понял,

Легенда о совестном Даниле. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru что ему надлежало бы начать с первой минуты, когда он совершил грех, убив варвара, но теперь он был уже стар и не мог принести людям такой пользы, какую мог бы приносить в хорошей поре своей.

– О, Данила! Данила! – сказал он себе, – не драть бы тебе взоры высоко, а давно глядеть бы по земле, да искать, кому ты мог быть полезен. А теперь вот и издыхай как старый пес: ты уже никому ни на что не годишься.

– О, авва, авва! Как я тебя ищу, и как ты мне нужен! – прозвучал к нему голос, и Данила увидал перед собою юношу в пышной одежде.

– Авва, – начал он: – я пришел к тебе издалече: я был большой грешник.

– Что же делать. Исправься.

– Да, я узнал, в чем ученье Христа, и хочу жить по его примеру.

– Ты блажен, – отвечал Данила.

– Я расстался с людьми и пришел к тебе, чтобы быть твоим учеником.

– Если тебя коснулася любовь Христа, то тебе уже непристойно быть ничьим учеником.

– Так ты, по крайней мере, хоть однажды поруководи меня.

– Хорошо. Только будь мне послушен.

– Ей, авва, буду.

– Оставайся при одном учении Христа и иди служить людям.

Впервые опубликовано – журнал «Новое время», 1888.

Примечания

1 Мурин – черный человек, эфиоп. В некоторых церковных книгах муринами называются также бесы (Иерем. XLVI, 9) (прим. Лескова).

2 Αἰλῶδρος – вертун, переметчик, вертихвост. Он был монофизит, но подделывался по обстоятельствам, к чему выгоднее представлялось (См. Церк. Ист. Гассе.) (прим. Лескова).

3 Папа римский упоминается в старых книгах, употребляемых в русском староверии, которое к «старому Риму» относится с уважением (прим. Лескова).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!